I 1978

5 5 3

ТУ 19–32–73

1

2

студия
ДИАФИЛЬМ

Вл. Муравьёв

ЧЕЛОВЕК, НЕ ОБНАРУЖЕННЫЙ СЛЕДСТВИЕМ

Художник И. Незнайкин

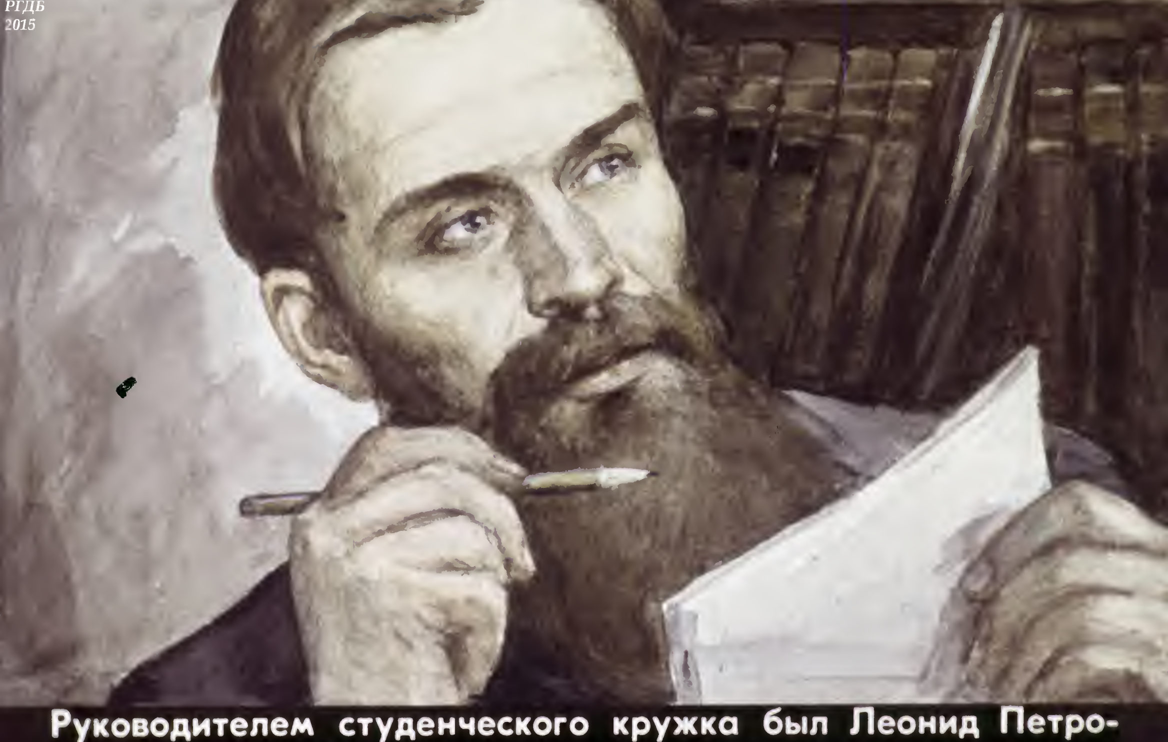
Зимой 1892 года в Петербурге полиция выследила революционный студенческий кружок и арестовала всех его членов. При обыске были найдены запрещенная литература, прокламации и гектограф.

Но начальник петербургского жандармского управления был недоволен: «Эти зелёные юнцы действовали слишком умело. Несомненно, у них есть руководитель».—«Но следствие никакого руководителя не обнаружило»,—ответил помощник. 3

—В том-то и дело,—рассердился начальник.—Арестовываем кружок, а следствие не может обнаружить его руководителя. Употребите все силы, чтобы узнать, кто он, этот человек, не обнаруженный следствием.

Руководителем студенческого кружка был Леонид Петрович Радин, необычайно талантливый человек, поэт и музыкант. Песню «Смело, товарищи, в ногу», для которой он написал слова и музыку, пела вся революционная Россия.

Три года назад Радин блестяще окончил университет. Сам Менделеев предсказывал, что Радин может стать большим учёным. Однако Радин избрал трудную и опасную судьбу революционера.

Он в тонкости постиг искусство конспирации и потому умело скрывал свою деятельность от глаз полиции. Но в последние дни Радин заметил, что полиция как будто начала им интересоваться.

—Чтобы полиция потеряла ваш след, вам придётся уехать из Петербурга в Москву,—сказал Радину товарищ из комитета.—Мы дадим явку к москвичам. Но будьте осторожны.

И вот в одно весеннее утро на Николаевском вокзале в Москве с прибывшего из Петербурга поезда сошёл скромно одетый человек лет тридцати пяти. На перроне его никто не встречал, и никто не обратил на него внимания.

Приехавший неторопливо прошёлся по платформе, потом зашёл в станционный буфет и сел за свободный столик. За соседним столом громко разговаривали двое подвыпивших жуликоватого вида.

—Насчёт полиции не опасайся,—говорил один другому.—В Хамовнической части я знаю одного квартального горького пьяницу. Угостишь его и живи, сколько хочешь, он с тебя вовек не спросит никакого документа...

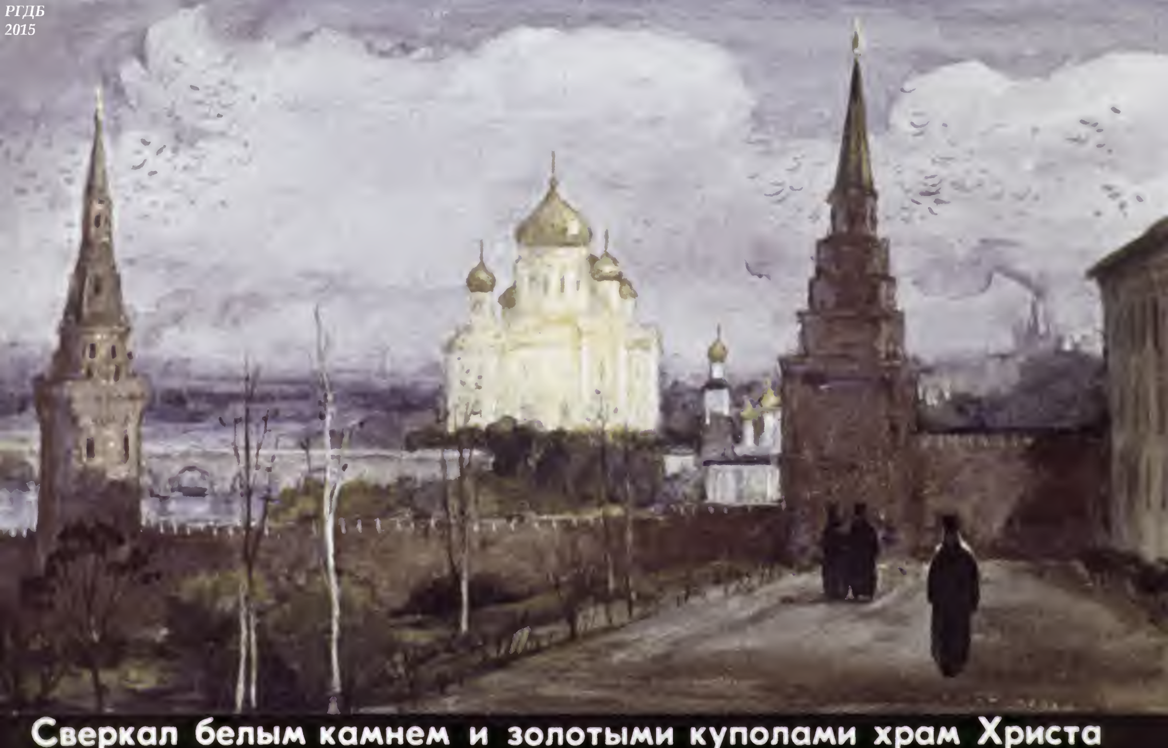
Приезжий поел и так же неторопливо вышел на вокзальную площадь, нашёл остановку конки и сел в вагон, направляющийся в Хамовники.

Конка ехала по Мясницкой. Высокие, строгие и мрачноватые здания, как бы исполненные чувства собственного достоинства, стояли по обеим сторонам улицы. В них помещались банки и конторы крупнейших металлургических фирм: Гужона, Тильманса, Листа...

В Охотном ряду кипела шумная и пёстрая торговля. В лавках даже самый привередливый гастроном мог отыскать всё, что его душа пожелает. Были бы только деньги.

Сверкал белым камнем и золотыми куполами храм Христа Спасителя — самая большая церковь Российской империи. Храм был так же огромен, как возвышающиеся на Кремлёвском холме царский дворец и здание Сената.

Потом конка выехала на Пречистенку. За узорными решётками виднелись белые особняки, похожие на дворцы. Здесь жила дворянская знать, миллионеры-заводчики и миллионеры-купцы. Улица тихая, немноголюдная, но на каждом углу—бравый городовой.

За Зубовской площадью вид совсем другой: унылые кирпичные корпуса фабрик, грязные, немощёные переулки, деревянные домишки... Это были Хамовники—рабочая окраина Москвы.

Приезжий сошёл с конки, огляделся по сторонам и свернул с улицы в переулок, коленом спускающийся к Москве-реке. Он прошёл весь переулок и остановился у крайнего домика, в окошке которого было наклеено объявление о сдаче квартиры внаём.

Квартира ему понравилась: две комнатки, отдельный вход.— «Кто же вы будете?»—спросила хозяйка.—«Учитель,—ответил он.—А зовут меня Леонид Петрович Радин».

На следующий день к Радину явился квартальный: «Ваше благородие, извольте паспорт».—«Сейчас найду,—ответил Радин.—А пока отведайте рюмочку водки».

Квартальный выпил и сказал: «Ладно, не ищите. Хорошего человека и без паспорта видно. Желаю здравствовать, господин учитель!»

На московских заводах назревали волнения. Рабочие жадно спрашивали революционную литературу, прокламации. Но московским марксистам прокламации негде было печатать.

В квартире одного кружковца Николая Величкина под полом начали оборудовать тайную типографию. Однажды к Величкину пришёл студент—член кружка, а с ним—незнакомый кружковцам человек.

—«Товарищ из Петербурга,—представил студент незнакомца.—Леонид Петрович Радин».—«Как же, мы слышали про ваш кружок»,—сказал Величкин, крепко пожимая руку Радина.

Потом он приподнял доску пола, а оттуда вылез молодой журналист Владимир Бонч-Бруевич.—«Устраиваем типографию,—пояснил Величкин.—Уже месяц работаем. Землю выносим из дому в карманах. Иначе нельзя: если носить вёдрами, соседи заметят».

— «Трудно вам приходится», — покачал головой Радин. — «Подвал-то как-нибудь выроем, — отозвался Бонч-Бруевич. — Настоящие трудности начнутся потом: как сделать станок, где шрифт достать...»

Однажды Радин попросил прийти к нему кого-нибудь из кружковцев. Пошли Величкин и Бонч-Бруевич.

—«Как дела, товарищи?»—спросил Радин.—«Плохо,—ответил Бонч-Бруевич.—Подвал не окончили, шрифта достали мало, станка нет...»—«А у меня приятная новость»,—и Радин протянул тонкую брошюрку.

Это была реклама нового изобретения знаменитого Эдисона: печатающий аппарат—мимеограф. Напечатанный на нём текст выглядел не хуже, чем вышедший из типографского станка. К тому же мимеограф умещался в чемодане среднего размера.

—«Где продаётся мимеограф?»—обрадовался Величкин.— «В магазине Блока, на Кузнецком мосту,—ответил Радин.— Каждый проданный аппарат регистрируется в полиции. Мы должны узнать его устройство и построить сами».

В магазин Блока вошли четверо молодых людей. Их сопровождал пожилой солидный господин. В этой компании трудно было узнать московских марксистов и Радина. Но это были именно они.

—«Мне и племянникам понадобились новые велосипеды,— сказал пожилой господин.—Подберите, пожалуйста, нам пять хороших машин».—Владелец магазина принялся расхваливать свой товар: «Только у нас вы можете приобрести лучшие американские машины».

Племянники между тем рассматривали продававшиеся в магазине машины и аппараты.—«А это что такое?»—спросил один, остановившись около мимеографа.—«Печатающий аппарат»,—охотно объяснил Блок.—«Кому нужна такая игрушка?»—пренебрежительно заметил другой племянник.

—«Этот великолепный аппарат необходим любой крупной конторе».—И Блок прочёл целую лекцию о достоинствах мимеографа.

Велосипедисты восхищались, и в то же время один из них незаметно отковырнул кусочек краски. Другой положил в карман клочок специальной бумаги. Дядюшка поглаживал металл и прикидывал размеры деталей.

—«В России никогда не смогут сделать такого аппарата. На это способны только американцы»,—говорил Блок, провожая богатых покупателей до дверей и на прощанье сказал: «Прошу вас порекомендовать наш мимеограф вашим знакомым».—«Обязательно порекомендую»,—обещал Радин.

Вечером все собрались у Радина. Но добытых сведений оказалось мало для того, чтобы построить мимеограф. Радин всё же не пал духом.—«Главное, нам известен принцип действия мимеографа,—сказал он.—Остальное додумаем сами».

Молодые люди возвращались от Радина, приуныв.—«Нужно быть Эдисоном, чтобы снова изобрести мимеограф,— вздохнув, сказал Величкин.—А Леонид Петрович—не Эдисон...»—«Зато он ученик Менделеева»,—ответил Бонч-Бруевич.

Минуло два месяца. И вот в один прекрасный день Радин явился к Величкину с чемоданом.—«Смотрите!»—сказал он и раскрыл чемодан. Все увидели мимеограф.

Мимеограф тут же испробовали в работе.—«А печать-то лучше, чем у того аппарата, который показывал нам Блок»,— заметил Бонч-Бруевич.—«Я внёс в мимеограф кое-какие усовершенствования»,—ответил Радин.

—Это замечательно!—радовался Величкин.—Теперь мы сможем печатать литературу в любом количестве! Ведь это же решение самого больного вопроса нашего кружка!

—Не только нашего,—сказал Радин.—Поэтому я составил руководство, как сделать мимеограф. Мы его размножим на этом самом аппарате и разошлём по всей России.

Радин улыбнулся и добавил:—«Я обещал господину Блоку рекомендовать мимеограф знакомым. Было бы невежливо не сдержать обещание».

Вскоре на московских заводах и фабриках появилось множество революционных листовок.

КОНЕЦ

Редактор Г. ВИТУХНОВСКАЯ
Художественный редактор А. МОРОЗОВ

Студия «Диафильм» Госкино СССР, 1974 г.
101 000, Москва, Центр, Старосадский пер., д. № 7
Цветной 0-30
Д-194-74